

А. Г. Гродецкая

Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов

Мемуары Б. Н. Чичерина, которые, как и его философские труды, «пленяют прелестью изложения» (Э. Радлов), имеют высокую ценность для истории русской общественной мысли, пространством реализации которой в 1840-е годы, в условиях жесткой николаевской цензуры, стали широко посещаемые литературные салоны Москвы. Именно в салонах в острых дискуссиях славянофилов и западников «выковывалась новая русская культура» (Д. Святополк-Мирский). Чичерин-мемуарист рисует живые и яркие картины жизни десятков московских салонов, как светских, так и литературных, выделяя дома А. П. Елагиной, Е. А. Свербеевой, К. К. Павловой, М. Д. Шеппинг, превратившиеся в дискуссионные аудитории славянофилов и западников. Выразительные портреты хозяев и гостей салонов, «людей сороковых годов», созданные мемуаристом, существенно дополняют известные литературные мемуары Панаева, Анненкова, Григоровича, Кавелина, отдельные главы «Былого и дум» Герцена. В статье обобщены важнейшие свидетельства как Чичерина, так и других мемуаристов, которые обогащают наше представление о русской салонной культуре и исторически обусловленных формах ее существования.

Ключевые слова: мемуары, Б. Н. Чичерин, люди сороковых годов, литературные салоны, А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, К. К. Павлова, М. Д. Шеппинг.

Для цитирования: Гродецкая А. Г. Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 29–45. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_29. EDN: CWJIDA

Известный философ, историк, правовед, публицист, один из идеологов русского либерализма Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) был также замечательным мемуаристом. Его «Воспоминания» [18], над которыми он работал в конце жизни, отличает, по словам их первого публикатора С. В. Бахрушина, «свежесть и сила» [18, с. 17]. И если чтение философских произведений Чичерина, как отмечал Э. Л. Радлов, «весьма полезно, ибо оно дисциплинирует ум, приучает читателя к стройности выводов и пленяет прелестью изло-

жения» [15, с. 901], то не менее пленяющи, можно утверждать, и его воспоминания. Своеобразие чичеринских мемуаров не обошел вниманием и В. В. Зеньковский, писавший: «Внутреннее равновесие, спокойствие, уравновешенность Чичерина всегда оставляли у современников впечатление какого-то бесстрастия и бесчувственности, но на самом деле, как это особенно видно по “Воспоминаниям”, натура у Чичерина была горячая, пламенная. Он умел глубоко и даже страстно чувствовать, но внутренняя уравновешенность постоянно как бы закрывала эти движения души» [7, с. 579].

Первая часть мемуаров Чичерина «Москва сороковых годов», относящаяся главным образом ко времени его учебы в 1845–1849 гг. на юридическом факультете Московского университета, рисует колоритную картину жизни «многочисленного и разнообразного» московского общества, когда «светская жизнь была блестящею, ибо принимающих домов было много, и дворянство не успело еще поразориться». «Тогдашняя Москва была преимущественно дворянским городом, – вспоминал он. – Тут жили зажиточные, независимые семьи, которые не искали служебной карьеры и не примыкали ко двору. Это налагало своеобразную печать на всю московскую жизнь. В ней не было того, что составляло и поныне составляет язву петербургского большого света, стремления всех и каждого ко двору, близость к которому определяет положение человека в свете. Слова и действия царственных особ и чиновные производства не занимали все умы и не были предметом постоянных толков» [18, с. 203].

Культурная и интеллектуальная жизнь Москвы была по преимуществу сосредоточена в широко посещаемых салонах, как светских, так и литературных. Принято считать, что салонная культура в России, пережив расцвет в первой трети XIX века, к 1840-м гг. не просто угасает, но разрушается [12], утрачивает влияние в социальной и литературно-художественной сферах, объективной причиной чему явилось завершение «дворянского» периода русской культуры, начало процесса ее демократизации. Между тем литературные и литературно-художественные салоны при общей тенденции к значительной культурной трансформации и утрате ряда специфических признаков салонности имели долгую жизнь

на протяжении не только XIX, но и XX столетия [13]¹. И для истории салонной культуры мемуары Чичерина, не часто цитируемые, дают исключительно ценный материал, включая подробный очерк о десятках блестящих московских салонов: Долгоруких, Пашковых, Нарышкиных, Базилевских, Васильчиковых, Бахметевых, Сушковых, Свербеевых, Павловых и многих других. Себя Чичерин-мемуарист представляет не без иронии: «Я был непременным участником всех собраний, постоянным гостем и литературных салонов и светских. <...> Я разъезжал, танцевал, играл с дамами в карты и точил язык с утра до ночи и с ночи до утра» [18, с. 218–219].

Материалы и методы

К 1830-м гг. салонная культура имела отчетливо оформленные социальные, эстетические, коммуникативные строго этикетные нормы бытования. Сложившиеся нормы в силу их кодифицированности и устойчивости на протяжении долгого времени воспринимались современниками именно как салонные, позволяя именовать салонами вполне определенные литературные и литературно-художественные объединения. В деятельности большинства литературных салонов середины и второй половины XIX века сохраняются регулярность собраний, относительно постоянный круг посетителей салона, общность их интересов, преимущественно литературно-художественных, и значительно большая в сравнении с литературными кружками открытость салонного пространства для общения допущенных к нему участников – в салонах присутствовала не только деятельная творческая, но и пассивная слушательская аудитория. Важнейшей чертой поздних салонов остается наличие в них *хозяев*, и особенно *хозяйки* салона, что и позволяет современникам почти безвариантно именовать *салонами* дома А. П. Елагиной, Е. А. Свербеевой, М. Д. Ховриной, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной, Е. В. Салиас, Е. А. Штакеншнейдер и в конце века – С. А. Толстой (вдовы А. К. Толстого), А. П. Философовой, А. А. Давыдовой, Л. Я. Гуревич и ряд других. В классической салонной традиции, как французской, так и русской, хозяйка салона определяла его

¹ См. также: Канторович И. В. Московские литературные салоны 2-й четверти XIX века в общественно-культурной жизни России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.

статус, его успех, состав посетителей, характер времяпровождения и стиль общения. «Вести салон», как признавал в «Старой записной книжке» П. А. Вяземский, ностальгически вспоминая «золотой век» салонов, могла только просвещенная женщина, обладавшая особым складом ума, который, по его словам, «тем и обольщает и господствует, что он отменно чуток на чужой ум. Женский ум часто гостеприимен; он охотно зазывает и приветствует умных гостей, заботливо и ловко устроивая их у себя...» [2, с. 381]. Эту характерную особенность запечатлел Толстой в «Войне и мире» – за работой «разговорной машины» в салоне следит его хозяйка Анна Павловна Шерер. Существовали, как широко известно, и мужские салоны, однако преобладали, безусловно, салоны женские, а регулярные собрания в домах литераторов-мужчин, как правило, получали название литературных «обедов», «вечеров», «журфиксов» (по дням недели). Отличием поздних литературных салонов от салонов классической эпохи стало участие в них в организующей роли хозяйки популярных, признанных женщин-писательниц (К. К. Павлова, Е. П. Ростопчина, Е. А. Салиас), а к концу века и женщин – издателей и редакторов журналов (А. А. Давыдова, Л. Я. Гуревич).

Неотъемлемой частью салонной культуры, важнейшей формой ее организации была светская беседа, своеобразное элитарное речевое искусство, в котором языковая игра, острословие (*bon mot*) и соблюдение в общении этикета, хорошего тона (*bon ton*) придавали интеллектуальной дискуссии непринужденно-игровой характер [6; 12]. Об этой утраченной традиции прежних салонов не без горечи вспоминал уже цитированный выше Вяземский: «А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений...» [2, с. 494].

Мемуаристы, и не только Чичерин, как правило, подчеркивают сохраняющиеся элементы светского салонного этикета в поведении, манере одеваться, умении вести беседу того или иного гостя салона. Эталоном в этом отношении служил посетитель нескольких московских салонов в 1830–1840-х гг. П. Я. Чаадаев, с его отмеченными Чичериным «неукоризнен-

но светскими манерами» [18, с. 134]. И у него же находим воспоминание о другом посетителе московских салонов, выпускнике Московского университета, позднее известном философе-славянофиле Ю. Ф. Самарине: «Разговор у него был живой и блестящий, всегда в утонченной светской форме, нередко приправленный холодной и едкой иронией или острою шуткою» [18, с. 323]. Традиции светской галантности поддерживал и «умный, живой, даровитый» профессор римской словесности и древностей в Московском университете Д. Л. Крюков, появлявшийся в гостиных «всегда изящно одетый, *elegantissimus*, как называли его студенты» [18, с. 134].

Результаты

В 1840-е гг. в наследовании и поддержании салонной традиции Москве принадлежала особая роль. В историю русской культуры и, много шире, в историю русской философско-политической мысли вписаны несколько знаменитых московских литературных салонов. «Дебаты по философским, историческим и литературным вопросам, – писал Д. П. Святополк-Мирский, – главная и прославленная достопримечательность мыслящей Москвы конца тридцатых–сороковых годов – происходили в салонах Елагиных, Свербеевых, Хомяковых, у Чаадаева, у Каролины Павловой. В этих салонах выковывалась новая русская культура...» [16, с. 257]. Здесь названы славянофильские салоны (исключая Чаадаева), где зарождались и «выковывались» в жарких дебатах с западниками идеи ранних славянофилов. Особого внимания заслуживает тот общепризнанный факт, что русское западничество формировалось преимущественно в литературно-философских кружках (Станкевича, Герцена и Огарева, Грановского, Белинского, Кавелина), славянофильство зарождалось и оформлялось в целостную историко-философскую систему именно в московских салонах.

В условиях жесткой цензуры николаевской эпохи, когда публичное обсуждение социально-политических вопросов было под запретом, пространство для философско-исторических, политико-правовых, эстетических дискуссий создавали философско-литературные кружки, формировавшиеся главным образом в Московском университете и вокруг него. Поразительным явлением в 1840-х гг. в жизни «фило-

софствующей» Москвы (в отличие от чиновного Петербурга) стало перемещение острых интеллектуальных диспутов из кружков в салоны. Или, говоря иначе, московские салоны стали выполнять не свойственную им функцию дискуссионных клубов, семинаров – функцию, близкую роли кружков, студенческих аудиторий, критических отделов толстых журналов. Студенчество, профессура, ученые, публицисты и литературные критики стали их постоянными посетителями [17].

Как свидетельствовал, Чичерин «[у]мственный интерес в обществе был возбужден; студенты слушали жадно и боготворили своих профессоров; из университета выходили даровитые молодые люди, которые обещали прибавление новых сил к тесному кругу русского образованного общества. Друзья собирались постоянно, обсуждали все вопросы дня, все явления науки и литературы, проводили иногда долгие ночи в оживленных беседах. Самые их противники, славянофилы, существовали кажется, только для того, чтобы придать более яркости мысли, более живости прениям. Временно обострившиеся отношения смягчились; споры возобновились по-прежнему; собирались в литературных салонах у Свербеевых, у Елагиной. Это была, можно сказать, пора поэтического упоения мыслью в университете и в окружающем его обществе» [18, с. 158]. Любопытен здесь, конечно, саркастический отзыв о славянофилах, среди которых были такие выдающиеся ученые, мыслители, ораторы и полемисты, что Чичерин, убежденный западник, сторонник и последователь идей Т. Н. Грановского¹, вынужден будет позднее в той или иной степени признать.

Вспоминая первые острые дискуссии славянофилов и западников, Герцен отмечал: «Война наша сильно занимала литературные салоны в Москве», и уточнял: «Говоря о москов-

¹ Вспоминая первую встречу с Грановским в салоне Павловых, Чичерин писал: «Здесь в первый раз я увидел этого замечательного человека, который имел на меня большее влияние, нежели кто бы то ни было, которого я люблю всей душою, и память которого доселе осталась одним из лучших воспоминаний моей жизни. Самая его наружность имела в себе что-то необыкновенно привлекательное. <...> Высокий, стройный, с приятными и выразительными чертами, осененными великолепным лбом, с выглядывающими из-под густых бровей большими, темными глазами, полными ума, мягкости и огня, с черными кудрями, падающими до плеч, он на всей своей особе носил печать изящества и благородства. Также изящна и благородна была его речь, тихая и мягкая, порою сдержанная, порою оживляющаяся, иногда приправленная тонкою шуткою, всегда полная мысли и интереса. И в мужском, и дамском обществе разговор его был равно увлекателен. Он одинаково хорошо выражался на русском и на французском языках. В дружеском кругу, когда он чувствовал себя на свободе, с ним никто не мог сравниться; тут разом проявлялись все разнообразные стороны его даровитой природы: и глубокий ум, и блестящий талант, и мягкость характера, и сердечная теплота, и, наконец, живость воображения, которое во всякой мелочной подробности умело схватить или поучительную, или трогательную, или забавную картинку» [18, с. 136–137].

ских гостиных и столовых, я говорю о тех, <...> где А. С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. Аксаков с мурмолкой в руках свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал; <...> где Грановский являлся с своей тихой, но твердой речью; где все помнили Бакунина и Станкевича; где Чаадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы <...>; где Боткин и Крюков пантеистически наслаждались рассказами М. С. Щепкина и куда, наконец, иногда падал, как Конгривова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало» [4, с. 152–153]. И он же счел необходимым добавить, что Москва сороковых годов «принимала деятельное участие за мурмолки и против них; барыни и барышни читали статьи очень скучные, слушали прения очень длинные, спорили сами за К. Аксакова или за Грановского, жалея только, что Аксаков слишком славянин, а Грановский недостаточно патриот. Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, – а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А. П. Елагиной. Сверх участников в спорах, сверх людей, имевших мнения, на эти вечера приезжали охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтоб посмотреть, кто из матадоров кого отделеает и как отделеает его самого...» [4, с. 156].

Горячую атмосферу салонных полемик славянофилов и западников, тех «кипучих прений», которые, по убеждению Вяземского, по условиям салонного этикета были невозможны, мемуары Чичерина воссоздают в ярких и живых подробностях.

Одним из центров культурной жизни Москвы с середины 1820-х и до конца 1840-х гг. был уже не раз упомянутый салон Авдотьи Петровны Елагиной (урожд. Юшковой, в первом браке Киреевской), матери И. В. и П. В. Киреевских [10]. Племянница и воспитанница В. А. Жуковского (дочь его сестры Варвары), многие годы она поддерживала дружбу с поэтом, состояла с ним в переписке; прекрасно знавшая русскую и зарубежную литературу, владевшая иностранными языками, она успешно

занималась переводами. С конца 1830-х гг. салон Елагиной, где идеологами славянофильства выступали прежде всего ее старшие сыновья, братья Киреевские, но также и постоянно здесь бывавшие М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, А. И. Кошелев, С. Т. и К. С. Аксаковы, стал главным центром полемик славянофилов и западников. Из числа последних с конца 1830-х его регулярно посещают вернувшиеся из Германии молодые профессора Московского университета Д. Л. Крюков, Н. И. Крылов, П. Г. Редкин, Т. Н. Грановский, с 1842 г. – Герцен, Огарев, Н. М. Сатин, Н. Х. Кетчер, братья Бакунины, В. П. Боткин. Автором большого некрологического очерка о Елагиной (1877) стал убежденный западник К. Д. Кавелин, писавший: «Салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно-образованного <...> под ее глазами составлялись в Москве литературные кружки, сменялись московские литературные направления, задумывались литературные и научные предприятия, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать историю русского литературного и научного движения за это время, не встречаясь на каждом шагу с именем Авдотьи Петровны» [8, с. 320].

Долгая жизнь литературного салона поддерживалась присутствием в нем двух поколений, двух культурных эпох. «С тридцатых годов и до нового царствования, – писал Кавелин, – дом и салон Авдотьи Петровны были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. <...> В нем преобладало славянофильское направление, но это не мешало постоянно посещать вечера Елагиных людям самых различных воззрений до тех пор, пока литературные партии не разделились на два непримиримых лагеря – славянофилов и западников, что случилось в половине сороковых годов» [8, с. 325].

У Чичерина подробных сведений о салоне Елагиной мы не находим, его мемуары дают яркие зарисовки из жизни других, также считавшихся славянофильскими, московских салонов – М. Д. Ховриной, Е. А. Свербеевой и К. К. Павловой, также превратившихся в дискуссионные аудитории славянофилов и западников.

Литературный салон Е. А. и Д. Н. Свербеевых не терял популярности достаточно долго, с первой половины 1830-х и до 1850-х гг. Здесь, как вспоминал Чичерин, «блистая красотою, соединяла вокруг себя славянофильский кружок» [18, с. 217] Екатерина Александровна Свербеева (урожд. кн. Щербатова), тогда как ее муж – историк, дипломат и писатель Дмитрий Николаевич Свербеев славянофильские убеждения жены разделял не вполне. Хозяин салона, по наблюдениям мемуариста, «человек весьма недюжинного, тонкого ума, образованный, с живыми интересами, с положительным и несколько скептическим взглядом на вещи» [18, с. 217], был дружен с Чаадаевым, Герценом, Одоевским. Хозяйка салона была известна как приятельница Гоголя, в разные годы супруги принимали у себя Жуковского, Крылова, А. И. Тургенева, Н. М. Языкова. Московские славянофилы и западники в 1840-х гг. в салоне Свербеевых собирались регулярно, но к концу десятилетия, подводит итог Чичерин, «литературные собрания сделались менее часты и менее оживленны» [18, с. 217].

Одним из самых посещаемых славянофильских салонов в Москве, где также регулярно проходили острые диспуты, был дом на Рождественском бульваре писателя и переводчика Николая Филипповича Павлова и его жены, поэтессы и переводчицы Каролины Карловны (урожд. Яниш) [11]. Салон существовал до рубежа 1850-х гг., в 1852-м между супругами произошел разрыв, в 1853-м Каролина Павлова уехала за границу. По единодушным свидетельствам современников, в салоне «царствовала» его хозяйка, имевшая в эти годы блестящий литературный успех и поражавшая современников знанием европейских языков и замечательной памятью. У Павловых сначала по вторникам, затем по четвергам («павловские четверги») бывали все московские славянофилы – Погодин, Хомяков, Шевырев, С. Т. и К. С. Аксаковы, также Загоскин, состоявший с С. Т. Аксаковым в близкой дружбе, братья Киреевские, Самарин. Из западников частыми гостями были Чаадаев, Герцен, Огарев, Кетчер, Н. А. Мельгунов, московские профессора Грановский, Редкин, Крюков, Кавелин. Много раз бывал в этом доме Лермонтов, знакомый с Н. Ф. Павловым до его женитьбы, бывали также И. С. Тургенев, Н. В. Берг, оставивший о Павловых воспоминания, петербуржцы Д. В. Григо-

рович и И. И. Панаев. Регулярно посещали салон европейские общественные деятели, литераторы, артисты, ученые, в числе которых были А. Гумбольдт и Ф. Лист.

Чичерин считал дом Павловых «одним из главных литературных центров в Москве». «Николай Филиппович, – вспоминал он, – находился в коротких сношениях с обеими партиями, на которые разделялся тогдашний московский литературный мир, с славянофилами и западниками. <...> Над Каролиной Карловной хотя несколько подсмеивались, однако поэтический ее талант и ее живой и образованный разговор могли делать салон ее приятным и даже привлекательным для литераторов. По четвергам у них собиралось все многочисленное литературное общество столицы. Здесь до глубокой ночи происходили оживленные споры: Редкин с Шевыревым, Кавелин с Аксаковым, Герцен и Крюков с Хомяковым. Здесь появлялись Киреевские и молодой еще тогда Юрий Самарин. Постоянным гостем был Чаадаев, с его голою, как рука, головою, с его неукоризненно светскими манерами, с его образованным и оригинальным умом и вечною позою. Это было самое блестящее литературное время Москвы. Все вопросы, и философские, и исторические, и политические, все, что занимало высшие современные умы, обсуждалось на этих собраниях, где соперники являлись во всеоружии, с противоположными взглядами, но с запасом знания и обаянием красноречия» [18, с. 133–134]. Салонная полемика, по словам мемуариста, представляла собой «постоянный турнир, на котором выказывались и знание, и ум, и находчивость, и который имел тем более привлекательности, что по условиям времени заменял собою литературную полемику, ибо при тогдашней цензуре только малая часть обсуждавшихся в этих беседах идей, и то обыкновенно лишь обиняками, с недомолвками, могла проникнуть в печать» [18, с. 134].

Хозяйка салона располагала современников к портретированию, далеко не всегда сочувственному. Немало саркастических замечаний вызывала, в частности, ее навязчивость в чтении собственных стихов. Чичерин вспоминал: «Она была умна, замечательно образованна, владела многими языками и сама обладала недюжинным литературным талантом. <...> Но тщеславия она была непомерного, а такта у нее не было

вовсе. Она любила кстати и некстати щеголять своим литературным талантом и рассказывать о впечатлении, которое она производила. Она постоянно читала вслух стихи, и свои, и чужие, всегда нараспев и с каким-то диким завыванием...» [18, с. 133]. Панаев, при первой встрече с Каролиной Карловной, «дамой вида строгого и величественного», отметил: «В ее позе, в ее взгляде было что-то эффектное, риторическое». Итогом более близкого знакомства стало заключение: «...манеры ее, несмотря на их театральное величие, отзывались иногда не совсем приятною грубоватостью» [14, с. 177]. О единственном визите к Павловым Григорович рассказал следующее: «Меня представили хозяйке дома, даме высокого роста, костлявой, с лицом, напоминавшим скорее лицо энергического мужчины, чем женщины. Не прошло получаса после обычных любезностей, она уже читала мне и двум-трем сидевшим тут лицам свои стихотворения...» [5, с. 130].

В воспоминаниях Чичерина находим сведения и еще об одном славянофильском салоне, редко упоминаемом другими мемуаристами, – салоне на Малой Никитской баронессы Марии Дмитриевны Шеппинг (урожд. Чертковой), жены барона Дмитрия Андреевича (Отто Густава) Шеппинга, отставного генерал-майора. По признанию мемуариста, он стал «приятелем дома» у баронессы, в прошлом светской львицы, и вспоминал о ней так: «Наружность ее была прелестная <...>. Ум был бойкий, живой, несколько насмешливый; разговор блестящий, полный игривости и бойкой иронии. <...> Меня пленяло это соединение очаровательной красоты, изящества форм, игривости ума и затаенных порывов сердца. Муж ее был человек добрый, обходительный, весьма некрасивый собой, кривой, небольшого ума, но образованный, с несколько славянофильским оттенком. Он был автор исследований по славянской мифологии» [18, с. 213]. Стоит добавить, что хозяйка салона была родной сестрой А. Д. Черткова, известного историка, археолога, библиофила, создателя знаменитой Чертковской библиотеки.

Салонные дискуссии, объединившие в московских гостиных на недолгое время славянофилов и западников необходимостью диалога об исторических судьбах России, ее прошлом, настоящем и будущем, к середине 1840-х гг. завершились их резким размежеванием. Как писал Кавелин, «сначала лица

различных направлений, приютившиеся в Москве, жили мирно, даже дружески между собою и действовали вместе. Различие взглядов выражалось только в оживленных спорах, в научной и литературной полемике. Но к половине сороковых годов разномыслие, заостряясь все более и более, привело наконец к разрыву между славянофилами и западниками. Неловкости, неосторожности и резкости, в которых были виноваты обе стороны, придали разрыву острый, раздражительный характер...» [9, с. 360–361]. И еще одно свидетельство того же равнодушного автора заслуживает цитирования. Кавелин писал: «Кто жил в среде, где зародились воззрения славянофилов и западников, кто лично знал и слышал разговоры и споры людей, стоявших во главе тех и других, тот никогда не забудет глубокопросвещенного, в высшей степени сочувственного строя мыслей и стремлений этих благороднейших идеалистов. <...> Это были люди замечательного ума и таланта, обширного знания и начитанности и европейски образованные» [9, с. 361].

Сохранились многочисленные свидетельства о высочайшем ораторском искусстве участников словесной полемики, о выдающихся образцах «устной литературы», отличавшейся, несомненно, от той, которую так ценил ее собиратель Вяземский, но составившей уникальное явление в истории русской культуры. Так, выдающимся полемическим даром, по всеобщему признанию, обладал А. С. Хомяков. Герцен, сам блестящий полемист, вспоминал о нем: «Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрый соображением, он горячо и неутомимо проспорил всю свою жизнь. Боец без усталости и отдыха, он бил и колот, нападал и преследовал, осыпал островами и цитатами <...>. Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете – от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимые, всегда ослепляли и сбивали с толку» [4, с. 156–157]. «А. С. Хомяков был поэт, полигистор и замечательный диалектик», – вспоминал Кавелин [9, с. 362]. И он же признавал: «Самым разносторонним деятелем

из вождей славянофильства был Ю. Ф. Самарин. С глубоким знанием философии, богословской литературы и истории он соединял основательное и близкое знакомство с вопросами финансовыми, экономическими и народного хозяйства. Никто, не исключая Хомякова, не обладал таким даром полемики, никто не владел лучше Самарина пером» [9, с. 362].

Исключительно высокую оценку дал Самарину и Чичерин, убежденный противник славянофильских идей: «Это был, бесспорно, человек совершенно из ряда вон выходящий. Необыкновенная сила ума, железная воля, неутомимая способность к работе, соединенная с даром слова и с блестящим талантом писателя, наконец, самый чистый и возвышенный характер – все в нем соединялось, чтобы сделать из него одного из самых крупных деятелей как на литературном, так и на общественном поприще. <...> У него был удивительный талант подражания; он мог и забавлять и увлекать, мог равно блеснуть в салоне, развивать самую отвлеченную философскую мысль и разрабатывать фолианты практического дела» [18, с. 323].

Обсуждение и выводы

Публичная полемика западников и славянофилов на ее начальном этапе была необходимым условием для уяснения принципиальных разногласий между противоборствующими партиями. «Партии должны были бороться так, как они боролись, – вспоминал П. В. Анненков, – на глазах публики, для того именно, чтобы выяснить всю важность содержания, заключающегося в идеях, ими представляемых» [1, с. 209–210].

«К 1848 году московские кружки и салоны стали падать», – свидетельствовал Кавелин [9, с. 363]. Ту же рубежную дату приводит и Герцен в 6-й главе статьи «О развитии революционных идей в России» (1851), названной им «Московский панславизм и русский европеизм». По его словам, широко развернувшаяся полемика «продолжалась до 1848 года, достигнув высшего своего напряжения к концу 1847 года, как будто ее участники предчувствовали, что через несколько месяцев ни о чем нельзя будет спорить в России...» [3, с. 244].

О времени первых острых дискуссий западников и славянофилов Анненков вспоминал: «Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать,

с жаром и алчностью голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси. Само собою разумеется, что с первых же шагов они приведены были к необходимости, прежде всего, добраться до внутреннего смысла русской истории, до ясных воззрений на старые учреждения, управлявшие некогда политическою и домашнею жизнью народа и до правильного понимания новых учреждений, заменивших прежде бывшие. Только с помощью убеждений, приобретенных таким анализом, и можно было составить себе представление о месте, которое мы занимаем в среде европейских народов, и о способах самовоспитания и самоопределения, которые должны быть выбраны нами для того, чтобы это место сделать во всех отношениях почетным. Все зашевелилось: искания пошли, как известно, с двух противоположных точек, и рано или поздно должны были привести исследователей в столкновение. Шум первых их сшибок и составил содержание всей эпохи нашего развития, которая обозначается общим именем – эпохи сороковых годов» [1, с. 193].

Мнение Анненкова, считавшего, что первые «сшибки» славянофилов и западников в московских литературных салонах составили содержание «всей эпохи» сороковых годов, несомненно, разделял и Чичерин. Он признавался: «Передо мною внезапно открылись бесконечные горизонты; впервые меня охватило неведомое дотоле увлечение, увлечение мыслью, одно из самых высоких и благородных побуждений души человеческой. Я узнал здесь и людей, которые стояли на высоте современного просвещения, и вместе с тем своим нравственным обликом придавали еще более обаяния возвещаемым ими идеям. Здесь сложился у меня тот идеал умственного и нравственного достоинства, который остался драгоценнейшим сокровищем моей души. Я захотел сам быть участником и деятелем в этом умственном движении, и этому посвятил всю свою жизнь» [18, с. 134–135].

В мемуарах Чичерина есть и еще одно признание, необходимое, на его взгляд, не только для полноты картины жизни московских литературных салонов, но и для понимания их особой духовно-воспитательной роли. Кроме «привычки общаться с людьми», из опыта салонной жизни он вынес, по его словам, «драгоценное душевное сокровище: идеал женской

грации, чистоты и изящества внешнего и внутреннего, идеал, который не дает молодому человеку погрязнуть в материальных наслаждениях или довольствоваться пошлостью полусвета. Счастлив, кому удалось обрести этот идеал в молодости и отдать ему всю свежесть еще не початых и не тронутых жизнью сил» [18, с. 220–221].

Мемуары Чичерина, пленяя «прелестью изложения», существенно дополняют известные литературные мемуары Панаева, Анненкова, Григоровича, Кавелина, отдельные главы «Былого и дум» Герцена, являясь ценным документом истории русской общественной мысли эпохи сороковых годов и русской салонной культуры как одной из исторически обусловленных форм ее реализации.

Список литературы

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие: 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – С. 111–352.
2. Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 1–12. – СПб.: изд. гр. С. Д. Шереметева, 1883. – Т. 8. – 528 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 7. – 474 с.
4. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 9. – 352 с.
5. Григорович Д. В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1987. – 336 с.
6. Дементьев В. В. Беседа светская // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 149–161.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект, Рапидет, 2001. – 880 с.
8. Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина: (Биографический очерк) // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989. – С. 320–335.
9. Кавелин К. Д. Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989. – С. 336–366.
10. Канторович И. В. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 165–209.
11. Канторович И. В. Салон Павловых // Москва: Люди, проблемы, события: Краевед. сб. – М.: ГПИБ.1998. – С. 60–90.
12. Муравьева О. С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // Литературный факт. – 2022. – № 4 (26). – С. 140–182. EDN: QTUNVS
13. Палий Е. Н. Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность. – М.: Нефть и газ, 2008. – 320 с.
14. Панаев И. И. Литературные воспоминания. – [М.]: ГИХЛ, 1950. – 472 с.
15. Радлов Э. Чичерин Борис Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Типогр. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. – Т. XXXVIIIА. – С. 901.
16. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. – 5-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Свинин и сыновья, 2014. – 876 с.
17. Цимбаев Н. И. Московские споры либерального времени... // Русское общество 40–50-х годов XIX в. – М.: МГУ, 1991. – Ч. 1: Записки А. И. Кошелева. – С. 5–43.

18. Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. / предисл., примеч. С. В. Бахрушин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. – Т. 1. – 496 с.

Anna Grodetskaya

B. N. Chicherin-Memoirist About the Literary Salons of Moscow in the 1840s

The memoirs of B. N. Chicherin, which, like his philosophical works, “captivate with the charm of presentation” (E. Radlov), are of high value for the history of Russian social thought, the implementation space of which in the 1840s, under the conditions of strict Nikolaev’s censorship, became widely visited literary salons in Moscow. It was in the salons in the sharp discussions of Slavophiles and Westerners that “a new Russian culture was forged” (D. Svyatopolk-Mirsky). Chicherin-memoirist draws lively and vivid pictures of the life of dozens of Moscow salons, both secular and literary, highlighting the houses of A. P. Elagina, E. A. Sverbeeva, K. K. Pavlova, M. D. Shepping, which turned into discussion audiences of Slavophiles and Westerners. Expressive portraits of the owners and guests of the salons, “people of the forties”, created by the memoirist, significantly complement the famous literary memoirs of Panaev, Annenkov, Grigorovich, Kavelin, separate chapters of Herzen’s “Past and Thoughts”. The article summarizes the most important evidence of both Chicherin and other memoirists which enrich our understanding of Russian salon culture and historically conditioned forms of its existence.

Key words: memoirs, B. N. Chicherin, people of the forties, literary salons, A. P. Elagina, E. A. Sverbeeva, K. K. Pavlova, M. D. Shepping.

For citation: Grodetskaya, A. G. (2024) B. N. Chicherin-memoirist o literaturnykh salonakh Moskvy 1840-h godov [B. N. Chicherin-Memoirist About the Literary Salons of Moscow in the 1840s]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 29–45. (In Russian). DOI: 10.35231/25419 803_2024_4_29. EDN: CWJIDA

References

1. Annenkov, P. V. (1989) Zamechatel'noje desyatiletije: 1838–1848 [A Remarkable Decade: 1838–1848]. Annenkov, P. V. *Literaturnyje vospominanija* [Literary Memories]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 111–352. (In Russian).
2. Vyazemskij, P. A. (1883) Staraya zapisnaya knizhka [Old notebook]. Vyazemskij, P. A. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 1–12 [Complete collected works. Vols. 1–12]. Vol. 8. St. Petersburg, count S. D. Sheremetev Publ. (In Russian).
3. Gertsen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenij: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Vol. 7. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
4. Gertsen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenij: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Vol. 9. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
5. Grigorovich, D. V. (1987) *Literaturnyje vospominanija* [Literary Memories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
6. Dement'jev, V. V. (2007) Beseda svetskaya [Secular conversation]. *Antologiya rechevykh zhanrov: Povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow: Labyrinth Publ. Pp. 149–161. (In Russian).
7. Zen'kovskij, V. V. (2001) *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt, Raritet Publ. (In Russian).
8. Kavelin, K. D. (1989) Avdot'ia Petrovna Yelagina: (Biograficheskij ocherk) [Avdotya Petrovna Elagina: (Biographical sketch)]. Kavelin, K. D. *Nash umstvennyj stroj: Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury* [Our Mental Structure: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 320–335. (In Russian).

9. Kavelin, K. D. (1989) *Moskovskije slavyanofily sorokovykh godov* [Moscow Slavophiles of the Forties]. Kavelin, K. D. *Nash umstvennyj stroj: Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury* [Our Mental Structure: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 336–366. (In Russian).
10. Kantorovich, I. V. (1998) *Salon Avdot'i Petrovny Yelaginoj* [Salon of Avdotya Petrovna Elagina]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*. No. 2 (30). Pp. 165–209. (In Russian).
11. Kantorovich, I. V. (1998) *Salon Pavlovykh* [The Pavlovs' Salon]. *Moskva: Lyudi, problemy, sobytiya: krayevedcheskij sbornik* [Moscow: People, Problems, Events: Regional Studies Collection]. Moscow: GPIB Publ. Pp. 60–90. (In Russian).
12. Murav'yeva, O. S. (2022) *Rastsvet i razrusheniye svetskikh literaturnykh salonov «zoloto go veka»* [The Rise and Fall of Secular Literary Salons of the “Golden Age”]. *Literaturnyj fakt – Literary Fact*. No. 4 (26). Pp. 140–182. (In Russian).
13. Paliy, Ye. N. (2008) *Salon kak fenomen kul'tury XIX veka. Traditsii i sovremennost'* [Salon as a Phenomenon of XIX Century Culture. Traditions and Modernity]. Moscow: Neft' i gaz Publ. (In Russian).
14. Panayev, I. I. (1950) *Literaturnyye vospominaniya* [Literary Memories]. [Moscow]: Gos. izd. khudozhestvennoj literatury. (In Russian).
15. Radlov E. (1903) Chicherin Boris Nikolaevich. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Tipogr. Akts. Obshchestva Brokgauz-Efron. Vol. XXXVIII. P. 901. (In Russian).
16. Svyatopolk-Mirskiy, D. (2014) *Istoriya russkoj literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god. Per. s angl. R. Zernovoj* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925. Trans. from English by R. Zernova]. 5th ed., corr. and enlarged. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ. (In Russian).
17. Tsimbaev, N. I. (1991) *Moskovskije spory liberal'nogo vremeni...* [Moscow Disputes of Liberal Times...]. *Russkoje obshchestvo 40–50-h godov XIX veka. Ch. 1: Zapiski A. I. Kosheleva* [Russian Society of the 40–50s of the 19th Century. Part 1: Notes of A. I. Koshelev]. Moscow: Moskovskij Gos. Universitet Publ. Pp. 5–43. (In Russian).
18. Chicherin, B. N. (2010) *Vospominaniya: v 2 t.; predisl., primech. S. V. Bahrushin* [Memoirs: in 2 vols. Preface., Notes S. V. Bakhrushin]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russian).

Об авторе

Гродецкая Анна Глебовна, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

About the Author

Anna Grodetskaya, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

дата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024